

RU

Рецензия на книгу: Ли Мин-бинь, Чжа Сяо-янь.
История литературных связей Китая и России /
пер. с кит. И. А. Алимова. М.: ООО «Международная издательская
компания “Шанс”», 2024. 742 с.

Трыков В. П.

Аннотация. Текст представляет собой рецензию на книгу двух китайских ученых Ли Мин-биня и Чжа Сяо-яня «История литературных связей Китая и России», увидевшую свет в Москве в 2024 г. Книга – один из томов масштабной семнадцатитомной серии «История литературных связей Китая и зарубежных стран», выходящей в Китае. В рецензии отмечается широта охвата материала (прослеживаются русско-китайские литературные связи с XVII до конца XX в.), обстоятельность и скрупулезность фактографического описания, его многоаспектность (история переводов, взаимного изучения литератур, контактных связей, имагологический аспект). Отмечается, что оправданно стремясь преодолеть западоцентризм при описании литературного процесса, китайские ученые рискуют заменить его синоцентризмом. Такая тенденция обозначилась в рецензируемой книге, в частности в некорректности некоторых оценок и характеристик русских писателей при их сопоставлении с китайскими, в акцентировании проблемы изучения китайской литературы в России при недостаточном внимании к вопросу о состоянии китайского россиеведения вообще и исследований русской литературы в Китае в частности. Представляется желательным более подробное выписывание воспринимающего контекста, что позволило бы дать более глубокое объяснение закономерностей взаимной рецепции двух литератур.

EN

Li Ming-bin, Zha Xiao-yan. The History of Literary Relations
between China and Russia / transl. from Chinese by I. A. Alimov.
Moscow: International Publishing Company “Chance”, 2024. 742 p.:
Book review

V. P. Trykov

Abstract. The text is a review of the book “The History of Literary Relations between China and Russia” by two Chinese scholars, Li Ming-bin and Zha Xiao-yan, which was published in Moscow in 2024. The review notes the breadth of the material (Russian-Chinese literary ties from the 17th to the end of the 20th century), the thoroughness and scrupulousness of the factual description, its multifaceted nature (the history of translations, mutual study of literatures, contact ties, and the imagological aspect). It is noted that justifiably trying to overcome Western centrism in the description of the literary process, Chinese scientists risk replacing it with Sinocentrism. Such a trend is indicated in the book under review, in particular, in some incorrect assessments and characteristics of Russian writers when they are compared with Chinese ones, in the accentuation of the problem of studying Chinese literature in Russia with insufficient attention paid to the question of the state of Russian studies in China in general and the study of Russian literature in China in particular. It seems desirable to delineate the perceiving context in more detail, which would allow for a deeper explanation of the patterns of mutual reception of the two literatures.

Книга «История литературных связей Китая и России» профессоров Пекинского университета Ли Мин-биня и Чжа Сяо-яня вышла в Китае в 2015 г. В 2024 г. появился ее перевод на русский язык, изданный московским издательством «Шанс».

Книга китайских литературоведов – часть грандиозного проекта – серии «История литературных связей Китая и зарубежных стран», состоящей из семнадцати томов, каждый из которых посвящен описанию литературных связей Китая с какой-то одной национальной литературой (или литературами какого-то региона). Подобный проект – яркое свидетельство роста китайского национального самосознания, стремления «застолбить» за китайской литературой достойное место среди ведущих литератур мира, повысить ее мировой литературный статус.

Однако проблема в том, что влияние литературы Китая на европейские литературы (в том числе русскую) в силу объективных причин, прежде всего серьезного и труднопреодолимого языкового барьера, было довольно скромным (за исключением древнекитайской литературы), что признают и сами китайские ученые. Это не смущает китайских коллег, стремящихся преодолеть господствовавший долгое время в компаративистике западоцентризм. Стремление, безусловно, заслуживающее одобрения, однако таящее в себе некоторые опасности и издержки, в частности преувеличение места и роли своей национальной литературы в мировом литературном процессе. Рецензируемая книга – яркая иллюстрация как достоинств, так и недостатков подобного литературного этноцентризма.

Несомненным достоинством рецензируемой книги является масштабность картины русско-китайских литературных связей, которые прослеживаются от начала XVII в. до конца XX столетия. Пожалуй, это первое столь панорамное и обстоятельное описание истории русско-китайских литературных отношений. В книге собран и описан богатейший историко-литературный материал. Нельзя не отдать должное скрупулезности и тщательности, с которой китайские коллеги проделали свою работу.

Компаративистское исследование русско-китайских литературных связей предполагало по меньшей мере четыре аспекта изучения: во-первых, контакты между литераторами двух стран, во-вторых, литературные влияния и схождения, в-третьих, исследование переводов, в-четвертых, изучение взаимной рецепции двух литератур в узком смысле слова, т. е. отклики и оценки литераторов, литературных критиков, ученых-литературоведов и читателей. Все эти аспекты, правда, с разной степенью обстоятельности и глубины, рассматриваются в рецензируемой работе. К этому добавляется имагологический аспект (разделы на тему «Образ Китая у А. С. Пушкина и Л. Н. Толстого»). Особенно скрупулезно собраны и обстоятельно описаны факты переводческой деятельности русских и китайских переводчиков на разных этапах развития русско-китайских литературных связей (включая переводы в периодических изданиях). Большое внимание уделено трудам русских и советских историков и литературоведов-синологов (Н. Я. Бичурина, В. П. Васильева, В. М. Алексеева, Б. Л. Рифтина, Н. Т. Федоренко, Е. А. Серебрякова и др.), затронут вопрос о преподавании русской литературы в Китае и китайской в России, изданных учебниках и учебных пособиях соответствующей тематики.

Однако некоторая несбалансированность, «неравноправие» в подходе к освещению вопроса о взаимном изучении русской и китайской литератур в трудах ученых двух стран проявились в том, что многочисленные отдельные главки о научных трудах и заслугах в изучении Китая русских и советских синологов не коррелируют со столь же тщательно выписанными параллельными разделами о работах китайских ученых о России и русской литературе. Справедливости ради нужно отметить, что авторы книги не игнорируют вовсе темы китайского россиеведения (книга содержит небольшую главку о лекциях Чжоу Ли-бо, о зарождении китайского пушкиноведения, упоминание работ (преимущественно небольших статей) о русской литературе Лу Синя, Цюй Цю-бо, Чжэн Чжэнь-до, Мао Дуня). Однако этот материал представлен в основном в виде спорадических упоминаний, отдельных, отрывочных характеристик или цитат из работ вышеупомянутых авторов, что контрастирует с обстоятельностью подачи материала о российском китаеведении в книге. Читателю остается только догадываться, то ли россиеведение еще не сложилось в Китае как научная дисциплина, то ли авторы книги по каким-то причинам не сочли нужным представить его российскому читателю с той же обстоятельностью, с какой представили российское китаеведение. А жаль: с работами российских синологов русский читатель при желании может ознакомиться самостоятельно, а вот с работами китайских русистов – вряд ли, по вполне понятным языковым причинам.

Та же «ситуация неравноправия» и в имагологических разделах книги. Авторы посвящают две главы описанию образа Китая в литературном сознании двух русских гениев – А. С. Пушкина и Л. Н. Толстого, извлекая из весьма скромного материала (отдельных упоминаний о Китае, слова «китайский» и т. п.) выводы об интересе и симпатии русских писателей к Китаю. Однако ни одной главы об образе России в творчестве китайских авторов книга не содержит.

Масштабность замысла рецензируемой книги неизбежно имеет свои издержки. Конечно, невозможно дать глубокий анализ всех затронутых в книге аспектов русско-китайских литературных связей. Пожалуй, наиболее обстоятельно и глубоко проанализирована проблема рецепции китайской литературы в России. Ценным нам представляется материал о переводах русской литературы на китайский язык. Нельзя сказать, что тема влияния русской литературы на китайских писателей не представлена в рецензируемой монографии. В книге говорится о влиянии Н. В. Гоголя на Лу Синя, Л. Н. Толстого – на китайских авторов, И. С. Тургенева – на китайского писателя XX века Ба Цзиня, Ф. М. Достоевского – на творчество Мао Дуня, М. Горького – на китайских писателей. Однако тема эта не получает глубокой разработки в книге. На наш взгляд, отчасти это связано со стремлением авторов в соответствующих разделах о влиянии русских писателей сказать сразу обо всем. В результате возникает эффект скороговорки. Так, например, в разделе о Достоевском содержатся краткие биографические сведения о русском писателе, столь же лаконично сказано о месте Достоевского в русской литературе, которое редуцируется к гуманизму и психологизму (в стороне остается, например, жанровое новаторство Достоевского как создателя полифонического романа). Далее следует странная характеристика Достоевского как «сверхчеловека» (с. 118), а затем почти до конца раздела дается обзор истории

переводов Достоевского на китайский язык и отзывов китайской литературной критики. Собственно о влиянии Достоевского на китайскую литературу сказано лишь, что в ней под воздействием произведений русского писателя была актуализирована тема «бедных людей». Этой констатацией авторы и ограничились, не считая нужным ни привести примеры, ни объяснить причины подобной актуализации, ни описать, как эта тема входит в произведение китайских авторов, каким трансформациям она подвергается в ином социокультурном контексте и на разных этапах литературного развития Китая. В итоге один из наиболее существенных аспектов в компаративистском исследовании оказывается не раскрытым. Во многих других разделах книги недостает описания воспринимающего контекста для понимания закономерностей восприятия «Другого» по закону «встречного течения» (А. Н. Веселовский).

Авторы рецензируемой книги чувствуют настоятельную потребность в методологическом обновлении: лейтмотивом в книге становится призыв к освоению «некоторых новых идей и теоретических выкладок» (с. 9). Однако относительно чего, какой «старой» методологии осуществляется это обновление, что конкретно не устраивает в ней китайских компаративистов, на какие новые идеи и концепции они ориентируются – все эти вопросы остаются без внятного ответа.

Можно предположить, что в постколониальных исследованиях, о которых идет речь в общем предисловии, авторов книги привлекала установка на преодоление западоцентризма. Однако вряд ли плодотворной окажется простая замена западоцентризма синоцентризмом, а подобная тенденция, как нам представляется, обозначилась в рецензируемой книге как части проекта, цель которого – «восстановить и заново определить духовную привлекательность китайской культуры и литературы, их миссию и признание» (с. 9). При этом необходимость переосмысления литературных связей Китая напрямую связывается с повышением его политико-экономического статуса, превращением в «мировую экономическую державу» (с. 8).

Отсюда рудименты идеологизированного описания в книге: стремление китайских коллег «приподнять» китайскую литературу сказывается и в некоторых частных оценках, и в странных характеристиках русских писателей. Утверждается, что Лу Синь в своих «Записках сумасшедшего» «выигрывает у Гоголя в выражении главной идеи, в создании образа героя и в его художественном воплощении» (с. 99). Как выясняется из дальнейшего комментария, это превосходство Лу Синя над Гоголем авторы книги видят в том, что, в отличие от пассивного и страдающего Поприщина, лусиневский герой – «настоящий смельчак», который, «проведя серьезные исследования сродни социологическим, обнаруживает, что тысячелетняя история есть праздник пожирания человеческой плоти, он взывает к “живущим в мире и не терпящим пожирать людей”, и это более мудро» (с. 100). Оставим в стороне вопрос о качестве перевода. Однако заметим, что делать критерием художественности степень активности и смелости персонажа представляется неправомерным. В другом месте книги ее авторы соглашались с мнением одного из китайских литературоведов, что Лу Синь – психолог и автор «Подлинной истории А-кью» выше Достоевского (с. 301). Удивление вызывают и такие характеристики гениев русской литературы: «...преизядно пьющий и заливающийся соловьем Пушкин», «...замкнутый и унылый Достоевский» (с. 117).

Книга имеет сложную структуру, состоит из общего предисловия, введения, семи разделов, разбитых на главы и параграфы, приложения, послесловия, библиографии, справочного раздела, именного и предметного указателей, указателя произведений, переводов и публикаций. Авторы избрали хронологический принцип описания обширного материала, что позволило представить основные этапы взаимной рецепции русской и китайской литератур. Показательно, что из семисот сорока двух страниц почти двести страниц отведено материалам справочного характера. Действительно, если рецензируемую работу при всей ее фактографической фундированности и фундаментальности вряд ли можно считать глубоким исследованием проблемы русско-китайских литературных связей, то в качестве прекрасного справочника для всех, кто интересуется российско-китайскими культурными и литературными связями, работа китайских литературоведов может представлять несомненную ценность.

Информация об авторах | Author information

Трыков Валерий Павлович¹, д. филол. н., проф.

¹ Московский педагогический государственный университет

Valerii Pavlovich Trykov¹, Dr

¹ Moscow State Pedagogical University

¹ v.trykoff@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 08.12.2024; опубликовано online (published online): 23.01.2025.

Ключевые слова (keywords): китайское россиеведение; преодоление западоцентризма; русско-китайские литературные связи; компаративистика; Russian studies in China; overcoming Western centrism; Russian-Chinese literary relations; comparative studies.